

Наринэ Абгарян

Семён Андреич
летопись в каракулях

Наринэ Абгарян

Семён Андреич
летопись в каракулях

爱
谢谢

Санкт-Петербург
2013

УДК 087.5
ББК 84(2Рос=Рус)6
А13

«Речь о детях»
Серия основана в 2010 г.
Для чтения взрослыми детям

Художник Виктория Кирдий

Абгарян Н.

А13 Семён Андреич. Летопись в каракулях / Н. Абгарян; худож. В. Кирдий. — СПб. : Речь, 2013. — 96 с. : ил.

ISBN 978-5-9268-1307-1

«Летопись в каракулях» Семёна Андреича — настоящее семейное чтение. Для тех, кто любит смеяться, мечтать и умеет не пасовать перед трудностями. Для тех, кто переживает самую счастливую пору своей жизни — детство. И для тех, кто застрял в этой счастливой поре навсегда.

УДК 087.5
ББК 84(2Рос=Рус)6

爱
谢谢

© Наринэ Абгарян, 2012
© Издательство «Речь», 2012
© Виктория Кирдий, иллюстрации, 2012

ISBN 978-5-9268-1307-1

ОГЛАВЛЕНИЕ

Семён Андреич справляет юбилей.....	6
Семён Андреич и звук «Ш».....	16
Семён Андреич и сердечные дела.....	30
Семён Андреич на лыжной прогулке.....	44
Семён Андреич придумывает поздравления.....	58
Семён Андреич делает новые открытия.....	64
Семён Андреич и пасхальные сюрпризы.....	72
Семён Андреич счастлив.....	82

Семён Андреич справляет юбилей

Сегодня Семёну Андреичу исполнилось пять лет. По этому поводу мама испекла самый настоящий деньрожденный торт, украсила его взбитыми сливками и клубникой. А потом съездила в спортивный магазин и вернулась оттуда с большими лыжами и велосипедом для Семёна Андреича. Лыжи мама воровато спрятала в кладовку.

— Наверное, себе взяла, — решил Семён Андреич.

У мамы через месяц, шестнадцатого февраля, день рождения. Вот она и прикупила лыжи. И спрятала в кладовку, чтобы не портить себе сюрприз.

Пройдёт месяц, она ползет туда и обнаружит их. То-то радости будет!

Семён Андреич следит за приготовлениями мамы из своей комнаты. Если немного приоткрыть дверь, то каждый раз, как бы невзначай проходя мимо, можно много чего интересного разглядеть. Например, как мама, переступая ногами словно цапля, несёт лыжи. Мама всегда так ходит, когда старается не шуметь. А когда стараешься не шуметь, получается наоборот. Поэтому она и задевает этими лыжами всё на своём пути — бра на стене (бзынь!), кухонную дверь (хрясь!), лампу в коридоре (плюм!).

На каждый бзынь-хрясь-плюм мама морщится и говорит себе «Ш-ш-ш!». Строго так говорит, требовательно. И продолжает дальше шуметь: вот опрокинула с грохотом тумбочку, вот шуршит лыжами в кладовке — то так поставит, то эдак. Сначала просто прислонила к стене, а лыжи взяли и свалились ей на голову. Потом пыталась задвинуть их вглубь кладовки, но лыжи цеплялись за коробки и порушили стопку старых книг. Потом мама, наконец, догадалась поставить их наискосок, с угла на угол, и лыжи послушно замерли.

— Фух! — выдохнула мама и пошла обматывать велосипед синей лентой.

Семён Андреич тихо сидит в комнате. Маму свою он очень хорошо знает, как-никак живёт с ней уже пять лет, поэтому старается не путаться под ногами, когда она готовит сюрприз. Мама очень не любит, когда ей мешают дарить подарки. Терпения у неё хватает только на то, чтобы подарок принести и упаковать. А дальше у неё терпение заканчивается, и она тут же бежит вручать его имениннику.

Поэтому велосипед она купила именно сегодня, а не вчера или на прошлой неделе.

Когда через пятнадцать минут мама вкатила красиво упакованный и перевязанный синей лентой подарок в комнату сына, тот сидел за столом и чинно-благородно листал книжку.

— С днём рожденья те-бя, с днём рожденья те-бя, с днём рожденья, Семён Андреич, с днём рожденья те-бя! — запела мама.

Семён Андреич побежал обнимать сначала маму, потом велосипед. И тут же они принялись наперегонки раздирать хрупкую бумагу и разматывать синюю ленту, и у мамы было такое лицо, словно она уже забыла, что в этой красивой упаковке лежит. А потом Семён Андреич, весело библикая, ездил из комнаты в комнату, залихватски тормозил и выписывал зигзаги, а мама накрывала праздничный стол.

Скоро на юбилей внука из Строгино приехали бабушка и дедушка. Семён Андреич считает, что в Строгино живут строгие люди. Поэтому оно так и называется — Строгино. Семён Андреич сильно волнуется за бабушку и дедушку. Люди они добрые, улыбчивые, и как в таком строгом месте выживают — непонятно.

Бабушка с дедушкой подарили имениннику большой конструктор. Счастью Семёна Андреича не было предела — о таком конструкторе он давно мечтал. Правда, откры-

вать коробку сразу не стал, потому что нужно было садиться за стол.

Дедушка разлил по бокалам сладкий шипучий лимонад и сказал красивый тост. А мама погасила свет и внесла торт с пятью горящими свечками. И Семён Андреич загадал желание и задул все свечи одним махом.

— Ура! — захлопала бабушка. — Нашему любимому Семёну Андреичу исполнилось пять лет!

— А сколько тебе будет в следующем году? — поинтересовался дедушка.

Воцарилась неловкая тишина.

— Семь! — насупился Семён Андреич.

— Как это семь? — оторопел дедушка. — А куда шесть подевались?

— Не знаю, — пожал плечом Семён Андреич и поволок конструктор к себе в комнату.

— Пап, ты опять забыл! — зашептала укоризненно мама. — Шесть! Он не выговаривает букву «ш»!

— Ах ты господи! — хлопнул себя по лбу дедушка.

— Ты не обижаешься на меня? — заглянул он в комнату внука. — Это я из-за проклятого склероза забываю про «ш»!

Семён Андреич собирал большой замок. Он обернулся к дедушке, улыбнулся ему во всё своё щекастое лицо.

— Дед, тут даже рыцари на конях, с копьями! И катапульта! Видел?

— Где? — вытянул шею дедушка. Он восхищённо поцокал языком, потом уселся рядом и весь вечер на пару с внуком самозабвенно собирал конструктор.

Заснул Семён Андреич поздно — в одиннадцать часов. Потому что сегодня день рождения, и можно подольше посидеть. Когда мама заглянула к нему в комнату — поправить одеяло, Семён Андреич спал, свернувшись калачиком и подложив под щеку руку. На полу раскинулся игрушечный замок — с широким рвом,

разводными мостами, подъёмниками, пушками и катапультами. В углу комнаты отсвечивал фарой новенький велосипед. На столе Семёна Андреича лежал раскрытый альбом для рисования.

Мама заглянула туда и прочитала:

СКЛИРОЗ — БАЛЕЗН ПРАКЛЯТАЯ. НАДА ЛИЧИТ.

Семён Андреич и звук «Ш»

Два раза в неделю, в субботу и в воскресенье, мама отвозит Семёна Андреича к Алевтине Петровне. Семён Андреич эти поездки не одобряет. Сопротивляется, как умеет. Ложится поперёк кровати, закатывает глаза, жалуется на высокое давление.

— Меня подобными манёврами не проведёшь, — отвечает всякие поползновения мама.

Семён Андреич горько вздыхает.
И пока мама помогает ему

надеть тёплую зимнюю куртку, ведёт разные разговоры на тему защиты прав пятилетних мальчиков. Нет ничего ужасного в том, что один такой мальчик предпочитает занятиям игры, утверждает Семён Андреич. У каждого, в конце концов, свои слабости!

Мама молча слушает, кивает. Надевает куртку, шапку, варежки. Натягивает сапоги. А потом вспоминает, что забыла попить. Скидывает сапоги.

— Хочешь воды?

— Нет! — качает головой Семён Андреич.

Пока мама жадно пьёт из большого стакана, Семён Андреич зудит об отрицательном влиянии логопедических занятий на единицу некрупного, но вполне себе щекастого мальчика.

— Давай я тебе расскажу про рыцарей, — отрывается от воды мама.

— Про каких рыцарей? — мигом загорается Семён Андреич.

— Про рыцарей из конструктора, который тебе на день

рождения подарили бабушка и дедушка. Хочешь?

— Хочу!

— Ты обратил внимание на их доспехи? — мама натягивает сапоги.

— Обратил, — неуверенно соглашается Семён Андреич.

— Вот и славно.

И всю дорогу до дома Алевтины Петровны — восемь станций метро, один длинный сквер и два подземных перехода, мама рассказывает о рыцарях ордена тамплиеров. О том, какие они были могущественные, в какие долгие походы уходили и как создавали новые государства на далёком Востоке. Семён Андреич слушает во все глаза. Задаёт наводящие вопросы.

— Они на конях вилками и ножами ели? — спрашивает, например, он.

— На каких конях? — осекается мама.

— На походных.

Мама удивлённо смотрит на Семёна Андреича. Семён Андреич удивлённо смотрит на маму. Ну что в его вопросе такого странного? Если рыцари уходили

в многолетние походы, то где они ели, пили и спали? Конечно же, верхом на своих верных конях!

— Значит, руками ели, да? — волнуется Семён

Андреич.

— А мы уже пришли, — радуется мама и набирает код на подъездной двери Алевтины Петровны.

Алевтина Петровна всегда пахнет сладким. Когда сдобными плюшками, а когда песочным кольцом в ореховой обсыпке. Семён Андреич тянет носом и откровенно переживает. Сейчас его снова будут пытаться разными упражнениями. Будто Семён Андреич не понимает, что это самый настоящий урок...

Алевтина Петровна раскладывает кубики с буквами на столе, стульях, телевизоре, подоконнике и даже широком листе фикуса.

— Сейчас будем играть в сыщиков, — возвещает она и радуется своей находчивости. — А принеси-ка мне, голубчик Семён Андреич, кубик со слогом «ШО».

Семён Андреич — начинающий рыцарь ордена тамплиеров, поэтому принимает условия игры Алевтины Петровны безоговорочно. Не расстраивать же пахнущую сдобными плюшками и песочными кольцами прекрасную даму отказом!

Семён Андреич вздыхает, строится клином крестоносцев и идёт искать этот злосчастный кубик со слогом «ШО».

Кубик находится на журнальном столике, за стопкой толстенных книг. Семён Андреич рисует на лице скорбь и с приговорённым видом рысит к Алевтине Петровне. Почему с приговорённым видом, потому что отлично знает, что дальше будет. Не вчера родился.

— Молодец, умница! — расплывается в широкой улыбке Алевтина Петровна и забирает кубик. — А теперь давай повторим, что здесь написано. Шо! Шшшшш-о!

Со звуком «ш» у Семёна Андреича отношения не складываются давно. То ли «ш» вредничает, то ли погода никогда не располагает, но каждый раз, когда Семён Андреич пытается штурмовать этот звук, он гадким образом выворачивается на языке и превращается в «с». Такого пренебрежительного к себе отношения Семён Андреич допустить не может, поэтому отвечает «ш» тем же — упорно его игнорирует.

Алевтина Петровна этих нюансов не понимает и мучает Семёна Андреича разными упражнениями.

— Подними кончик языка к нёбу, — просит она.

Если бы Семён Андреич знал, где у него нёбо, он бы сам как-нибудь с ним договорился. Но Семён Андреич каждый раз забывает, где это нёбо находится, и беспомощно оборачивается к маме. Мама делает круглые глаза, широко открывает рот и показывает пальцем местоположение нёба.

— Ш-ш-ш-ш-шо-рох! — поёт Алевтина Петровна.

— О-рох! — упрямо гудит Семён Андреич.

Мама готова сквозь землю провалиться.

— Семён! — всплёскивает руками она. Если мама называет его Семёном, значит ну о-о-о-о-очень сердится.

— Не хочу я это слово говорить! — шмыгает носом Семён Андреич.

— Как же ты научишься произносить звук, если даже не пытаешься выговорить его? — спрашивает мама.

Алевтина Петровна барабанит кончиками пальцев по своей коленке. Вдруг озаряется лицом, уходит в другую комнату, возвращается с большой шоколадкой.

— Давай мы попробуем вот как сделать, — предлагает она, — если ты будешь стараться, я тебе эту шоколадку подарю. Что это такое? Повторяй за мной: шо-ко-лад. Ш-ш-ш-шо-ко-лад.

Семён Андреич очень любит шоколад. Очень-преочень. На иерархической лестнице его предпочтений шоколад находится сразу после дедушки. На первом месте мама, потом папа, потом бабушка, потом дедушка, потом шоколад. Потом велосипед.

Но даже персональной иерархической лестнице не заставить Семёна Андреича поступиться принципами и назвать

шоколад соколадом. Поэтому Семён Андреич наливается слезами и убегает в прихожую — натягивать комбинезон.

— Мы сегодня хорошо поработали. Спасибо тебе, голубчик, — говорит на прощание Алевтина Петровна.

— Благодаря вашим занятиям он очень быстро научился читать и писать, — неловко оправдывает Семёна Андреича мама.

— Можете не приходить завтра, пусть ребёнок отдохнёт, — разрешает Алевтина Петровна.

— Что мне с тобой делать? — вздыхает мама, когда они выходят на лестничную площадку.

Семён Андреич виновато ковыряет пальцем стену. Сказать ему нечего.

После ужина мама вручает ему шоколадку.

— Это Алевтина Петровна тебе передала. Может, хотя бы сейчас пропоешь слово «шоколад»? Один разочек!

Семён Андреич топчется на месте и угрюмо молчит.

— Ладно, иди, — говорит мама.

Ночью она обнаруживает шоколадку на столе Семёна Андреича. Шоколадка лежит на раскрытом альбоме для рисования. Оттуда колючими печатными буквами щерится в пространство укоризненная запись:

ЕТО ГОНФЕДКА.

Семён Андреич и сердечные дела

Детский сад — дело такое. Всякоразное. Семён Андреич до сих пор не может определиться, нравится ему там или нет.

С одной стороны, в детском саду весело. Можно на прогулке Васю Скворцова снежками по самую макушку закидать. Вася это любит. Пока группа закидывает его снежками, он их

безбожно ест. Как яблоки. Правда, такое выдаётся крайне редко — воспитательница Елена Алексеевна бдит. И нянечка тётя Зина от окна не отходит — всё выглядывает, что во дворе её подопечные вытворяют.

Но иногда случается толика запретного счастья у детсадовской детворы. На той неделе, например, была оттепель,

а ночью резко подморозило. И башенка над горкой украсилась длинными, переливающимися в солнечных лучах сосульками. Пока воспитательницы третьей и четвёртой групп посыпали дорожку к игровой площадке песком, Вася времени даром не терял. Он вскарабкался на горку, оторвал несколько сосуллек и воровато их съел. Похрустывая и жмурясь от удовольствия. Ско-

ро подтянулись остальные дети, и к тому времени, когда воспитательницы всполошились, козырёк над горкой был аккуратно обглодан. По всему периметру.

К счастью, ангиной никто не заболел. А ведь могли!

Ну да, с одной стороны, в садике весело. А с противоположной, там, где предусмотрен обязательный дневной сон, не очень.

У Семёна Андреича с трёх лет этот дневной сон не идёт. Мыслей много и шило в одно месте, как говорит дед. Поэтому пока дети счастливо почивают, он развлекает себя, как умеет, — читает шёпотом стишки, рисует в уме картинки, придумывает, где походного коня раздобыть. Если только в цирке, кручинится Семён Андреич и строит планы угона цирковой лошади с манежа посреди представления.

Если удаётся пронести за пазухой какую-нибудь мелкую игрушку (всё крупное тётя Зина конфискует на подступах

к спальню комнате), Семён Андреич укрывается одеялом с головой и устраивает себе двухчасовой марафон игры. Отстаивает собственное «я», как умеет.

Да и роман с садиком поначалу не складывался. Поначалу — это когда Семёну Андреичу было четыре года и его впервые привели в детский сад. Когда Семён Андреич понял, что мама не на экскурсию его привела, а на постоянное место жительства пять раз в неделю с восьми до пяти, он пришёл в такой неопиcуемый ужас, что лёг своей широкой душой на порог раздевалки и зарыдал. Большими человеческими слезами.

У мамы сделалось беспомощное лицо, и Семёну Андреичу стало её жалко. Но себя было жалче, поэтому он обороты не сбавлял, а наоборот, прибавлял.

— Уходите! — шепнула маме Елена Алексеевна. — Мы сами разберёмся.

И действительно, разобрались. Спустя пятнадцать минут Семён Андреич обнаружил себя умытым, переодетым и играющим в кубики с каким-то веснушчатым мальчиком, впоследствии оказавшимся Васей Скворцовым.

— А я вчера муху поймал, — признался Вася.

— Как поймал?

— Маминым чулком. Как сачком. Ну и нечаянно его порвал, — Вася завозился, шмыгнул виновато носом. — Мама ругалась!

— У неё ведь второй чулок остался, — заволновался Семён Андреич.

— Ну да. Но она всё равно ругалась.

— Моя бы тоже стала ругаться, — признался Семён Андреич.

На почве такого немотивированного поведения мам у Семёна Андреича с Васей сложилась взаимная симпатия, переросшая впоследствии в настоящую мужскую дружбу. За год они успели съесть не один пуд манной каши и считались дру-

зьями не разлей вода. Но потом в их группе случилась девочка Диана и чуть не рассорила закадычных друзей в пух и прах.

Диана оказалась барышней решительной и мигом построила весь мужской состав группы номер четыре. Раздавала указания, требовала беспрекословного подчинения. В рыцари сердца определила Васю. Заслужил он такую благосклонность рачительным отношением к продуктам. Банан, например, в три приёма ел — сначала мякоть, потом кожуру, а на десерт — хвостик. Хвостик полагалось запивать большим стаканом воды, потому что всухомятку его не проглотить,

даже если очень хорошо прожжёшь.

Семён Андреич откровенно страдал. Обозвал Васю предателем, отобрал фломастер, который вчера ему на веки вечные подарил. Движимый ревностью, попытался повторить его подвиг. Метил во вторые рыцари сердца. Потерпел сокрушительное поражение, подавившись банановой кожурой, был крепко осмеян Дианой и остальными ребятами. Но что особенно обидно — Васей.

Сдаваться Семён Андреич не собирался, поэтому продолжил экспе-

рименты дома. Когда мама застала его на кухне тщательно прожёвывающим кожуру банана, чуть в обморок не хлопнулась от неожиданности. Мама у Семёна Андреича девушка впечатлительная и тонкая — переводит книги, пишет статьи в большой красочный журнал, где учат красиво одеваться и вкусно готовить.

О том, что бананы можно есть в три приёма, в этом журнале, видимо, не писали. Вот мама и решила хлопнуться в обморок от нахлынувших эмоций. Но потом она всё-таки взяла себя в руки и потребовала у Семёна Андреича объяснений.

Семён Андреич выразительно засопел. Он уже знал: доказывать что-то прекрасному полу — себе дороже. Ни покоя от них, ни воли, один диктат и прочие треволнения!

Но мама проявила настойчивость. Она уселась на стул, положила ногу на ногу, сцепила пальцы на коленке, сделала бровки домиком.

— Семён Андреич, я жду объяснений, — велела она.

И Семён Андреич ей всё рассказал. Про Диану, про предателя Васю, про хвостик, который полагается запивать стаканом воды. Про то, как Вася над ним смеялся.

Потом достал из кармана фломастер, продемонстрировал маме.

— Отобрал у него!

— Как отобрал? — не поняла мама.

— Так. Сначала подарил, а потом, когда Диана его полюбила, отобрал, — прозудел Семён Андреич.

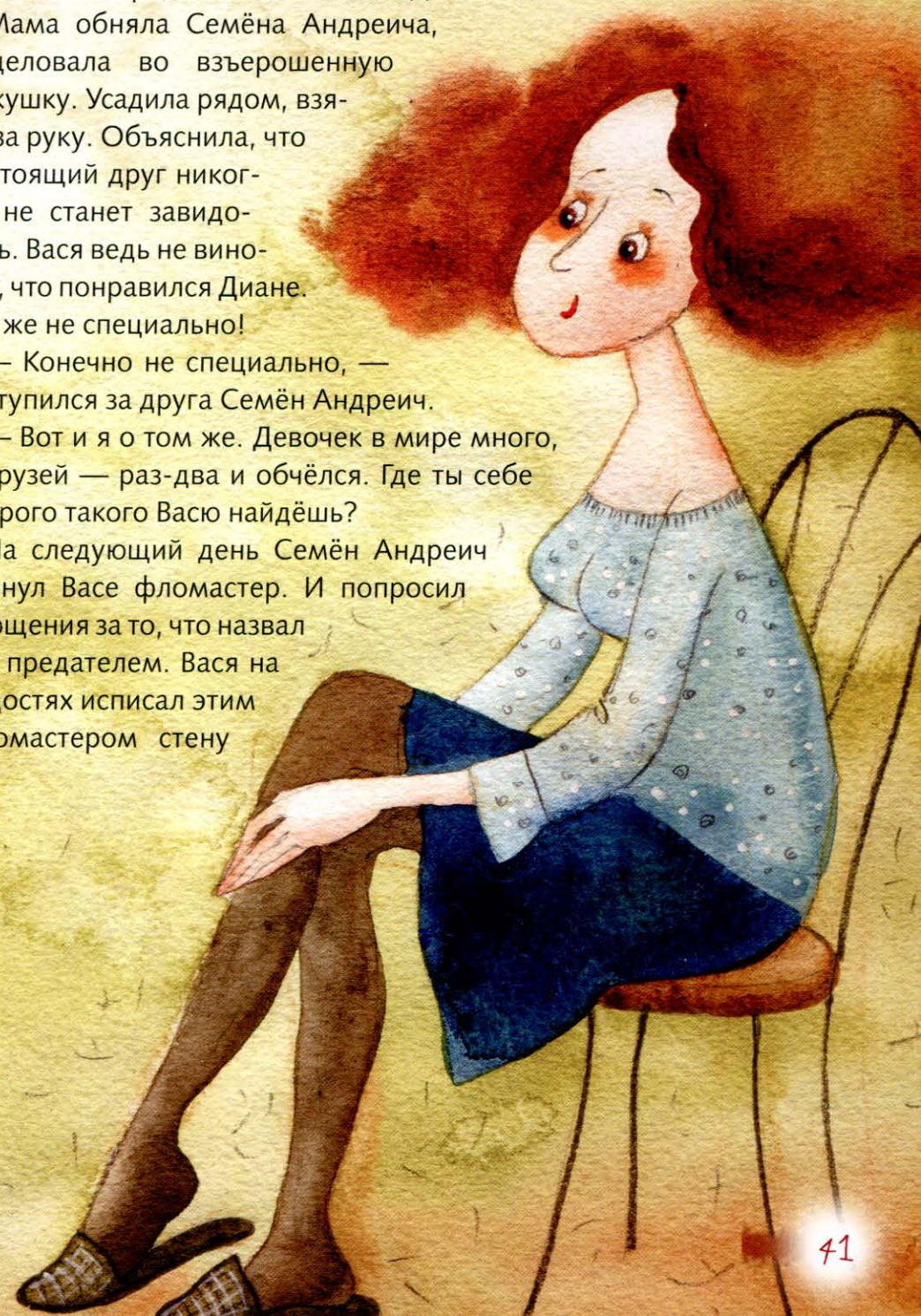
И заплакал. Ему стало очень обидно, что он так поступил. Нельзя отбирать подарки, даже если друг на поверку оказался предатель и любимец Диан!

Мама обняла Семёна Андреича, поцеловала во взъерошенную макушку. Усадила рядом, взяла за руку. Объяснила, что настоящий друг никогда не станет завидовать. Вася ведь не виноват, что понравился Диане. Он же не специально!

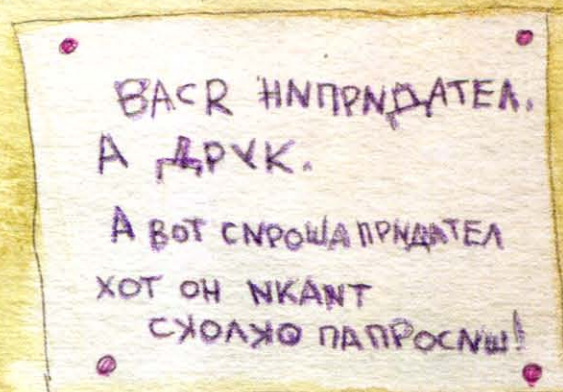
— Конечно не специально, — заступился за друга Семён Андреич.

— Вот и я о том же. Девочек в мире много, а друзей — раз-два и обчёлся. Где ты себе второго такого Васю найдёшь?

На следующий день Семён Андреич вернул Васе фломастер. И попросил прощения за то, что назвал его предателем. Вася на радостях исписал этим фломастером стену

в спальняй комнате. И хоть чистых стен в спальне осталось целых три штуки, его всё равно наказали — не взяли на прогулку. Как назло, в тот день валил снег — крупными, рыхлыми, тяжёлыми хлопьями. Вася откровенно страдал, высматривая свою группу в окно. Семён Андреич слепил большой снежок и спрятал в карман, чтобы потом угостить друга. А коварная Диана хранить Васе верность не стала и переключилась на другого мальчика — рыженького Серёжу, который умел икнуть столько раз, сколько попросишь.

Больше Семён Андреич с Васей из-за дам не ссорились. Махнули рукой на сердечные дела и ушли в аскезу. Играли в машинки, собирали конструкторы, выколупывали в стене ковшом игрушечного экскаватора лаз во внешний мир.

В память о тех событиях Семён Андреич оставил в своём альбоме для рисования запись весьма поучительного содержания:

ВАСЯ НИПРИДАТЕЛ. А ДРУК.

И добавил внизу мелким снисходительным шрифтом:

А вот спроша придадел хот икаит сколько папросиш!

Семён Андреич на лыжной прогулке

Семён Андреич ошибся — лыжи мама не сюрпризом на день рождения покупала. На лыжах она собралась покататься. Вот прямо завтра, с раннего утра, как только сдаст очередную статью в свой красочный журнал.

Прознав о маминых планах, Семён Андреич весь вечер с озабоченным видом ходил по квартире. Проверил наличие в домашней аптечке дедушкиной мази от ушибов и радикулита — у деда так часто скручивает спину, что он её везде хранит. Даже в гараже.

В домашней аптечке, кроме мази, обнаружили эластичный бинт, йод, зелёнка. Ещё какие-то таблетки, красивые, видно, страшно полезные.

— Всё сгодится, — решил Семён Андреич.

Сразу после новогодних праздников мама решила похудеть. И с той поры в жизни Семёна Андреича ни минуты покоя. Сначала мама записалась на аэробику. После первого занятия она три дня пролежала на спине и даже моргнуть

боялась, потому что бо-
ли все мышцы, буквально
все, и даже те, которых
«рядом не стояло».

Спустя неделю она за-
писалась на занятия по
аквааэробике. От аква-
аэробики мышцы не бо-
лят, потому что занятия
проводятся в бассейне,
и вода снимает напря-
жение.

Плывать мама не очень умеет, точнее —
совсем не умеет. Но тренер сказал, что
на занятие она наденет специальный
пояс, который не даст ей утонуть.

— Будете как поплавок на поверхности
держаться, — заверил он.

Мама купила красивый спортивный
купальник, синий в голубые разводы, и
ушла на эту аквааэробiku. Домой её при-
вез бледный тренер. На своей машине.
И пока Семён Андреич отпаивал его чаем,
он рассказывал, как мама сегодня здоро-
во отзанималась. По его словам, она на-
чала тонуть ещё на подступах к бассейну,
а на занятии наглotalась так много воды,
что плавающие сели на мель.

— Впервые в жизни такое вижу! — ка-
чал головой тренер и громко отхлёбывал
успокаивающий мятный чай из большой
расписной чашки.

Мама слушала, потупившись, и скром-
но молчала. Только таблеткой бассейн
запила. От заворота кишок.

Потом она решила заняться утренним бегом. Но вовремя
сообразила, что за окном зима, и прикупила себе лыжи. Что-
бы соответствовать сезону.

— От ходьбы на лыжах подтягивается тело и улучшается
цвет кожи, — подбадривала себя на следующее утро мама,
застёгивая куртку. Семён Андреич в полной амуниции —
в одной руке лыжи, в другой — палки, на голове — настоящая
ушанка, на ногах — специальные ботинки — вызывал лифт.
В отличие от мамы он неплохо ходит на лыжах — научился у
папы.

— Как это — тело подтягивается? — спросил он.

— Ну, — мама вытащила на лестничную клетку свои
лыжи, — становится худым и натренированным. Задержи
лифт, я уже бегу.

Напротив дома Семёна Андреича раскинулся большой
парк. Снегом его засыпало по самую макушку. В выходные
дни там много лыжников. Они ходят цепочкой по специаль-
ной лыжне, даже соревнования устраивают. Вот мама и ре-
шила присоединиться к ним.

Семён Андреич всю дорогу сыпал инструкциями. Мама
слушала вполуха, цепляла лыжами пешеходов, а потом во-
обще в решётчатый забор вписалась. Еле выпуталась. Пока
Семён Андреич показывал, как правильно застёгиваются
крепления, она морально готовила себя к марш-броску по
парку.

— Я справлюсь, я обязательно справлюсь! — шептала она.

— Здравствуйте! — раздался за спиной знакомый насмеш-
ливый голос. — Покататься решили?

— Папа! — взвизгнул Семён Андреич и с разбегу повис на папиной шее. — Ты вернулся!

— Вернулся, Семён Андреич, вчера вечером вернулся, — папа подхватил Семёна Андреича и закружил его в воздухе. — Здравствуй, сынок, я по тебе очень соскучился.

— Здравствуй, Андрей, — сказала мама.

— Здравствуй, Катя, — папа хотел чмокнуть её в щёчку, но она увернулась.

У Семёна Андреича неполная семья. Такое с детьми иногда случается. Родители разводятся, и папа уходит жить к другой тёте. Или

мама уходит жить к другому дяде. Семён Андреич к разводу родителей отнёсся с пониманием. Потому что они ему честно всё рассказали.

— Мы будем жить отдельно, но любить тебя будем по-прежнему сильно. И даже в два раза больше! — обещали они.

— Тогда ладно, — согласился Семён Андреич.

Папа уезжал на месяц в тёплые края — нырять с аквалангом. И вот наконец-то он вернулся! Загорелый, белозубый, красивый!

— Пап, а мне велосипед на день рождения подарили. И конструктор, — похвастался Семён Андреич.

— А я тебе настоящую маску аквалангиста привёз. И ласты.

— Ура!

— Катя, я заберу его сегодня? Сходим в кино, мороженое поедим.

— У него занятие в три часа, — напомнила мама.

— Заодно к Алевтине Петровне пойдём.

— Хорошо.

У папы новая жена. Она наполовину шотландка и зовут её Шарлотта. Шарлотта из Шотландии. Прямо издевательство какое-то! Семён Андреич её по имени не называет. Только на «вы». Тётя Шарлотта относится к этому с пониманием. Учит Семёна Андреича английским словам. Благодаря ей Семён Андреич умеет вежливо сказать «хэллоу», «тэнк ю» и «гуд бай».

Мама новую жену папы за глаза называет пигалицей. Наверное, та тоже маму как-то называет. Видно, что они друг друга недолюбливают.

— Ладно, я пойду, — кивнул в сторону жены папа.

— Здравствуйте, — помахала издали рукой тётя Шарлотта.

— Хэллоу! — крикнул Семён Андреич.

Мама улыбнулась Шарлотте так, что та испуганно заморгала.

— Пойдём, Семён Андреич! Пора кататься.

— Сейчас, только лыжи надену.

Пока Семён Андреич застёгивал крепления, мама наблюдала за папой и Шарлоттой. Они вышли на лыжню, влились в общий поток и пошли быстрым ходом.

— Очень надо, — фыркнула мама и попыталась сдвинуться с места. Семён Андреич хотел ей показать, как правильно это делается, но было уже поздно — мама летела лицом в снег, красиво скрестив в полёте лыжи и растопырившись палками.

— Ты мне помоги до места добраться, а я там как-нибудь сама, — прогудела она из сугроба.

Семён Андреич собственноручно дотолкал маму до лыжни.

— Вот полоса для начинающих, — показала рукой какая-то девушка в синей куртке, — потренируйтесь пока здесь.

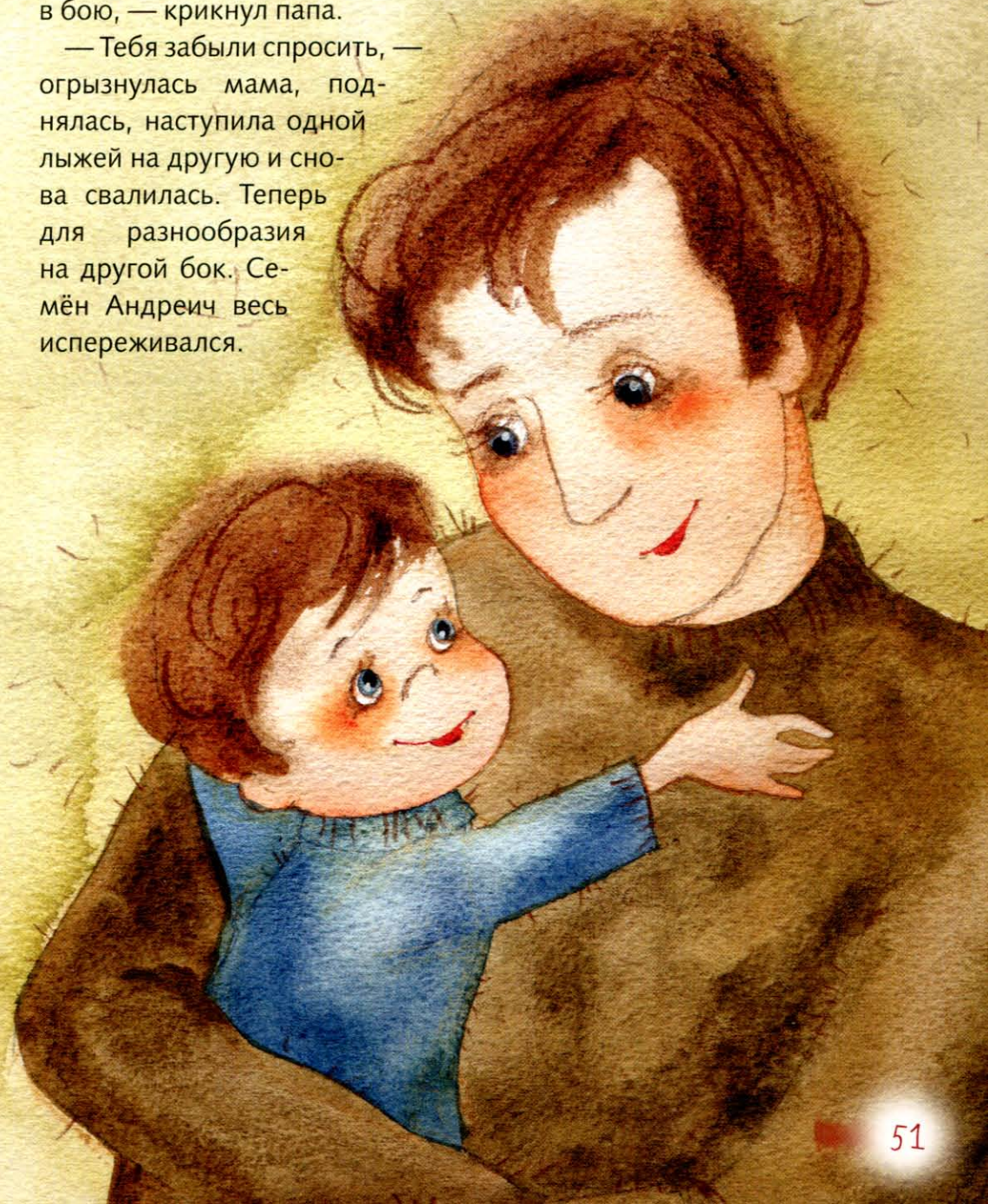
— Давай я пойду впереди, а ты следом. Буду показывать, — предложил Семён Андреич.

— Давай, — согласилась мама.

Какое-то время с грехом пополам она шла за Семёном Андреичем. Потом свалилась на бок. Как назло в ту самую минуту, когда мимо проезжали папа с Шарлоттой.

— Тяжело в учении — легко в бою, — крикнул папа.

— Тебя забыли спросить, — огрызнулась мама, поднялась, наступила одной лыжей на другую и снова свалилась. Теперь для разнообразия на другой бок. Семён Андреич весь испереживался.

— Может, тебе немножко отдохнуть? — предложил он.

— Давай.

Мама кое-как поднялась, оперлась на палки, окинула взором военачальника парк. Вдалеке, не сбиваясь с темпа, мерным лыжным шагом шла Шарлотта.

— Ну уж нет, — рассердилась мама и оттолкнулась палками, — кататься так кататься!

Второй заезд папы и Шарлотты застал её барахтающейся в снегу. Семён Андреич как раз натягивал ей на голову слетевшую шапку, а она отцепляла одну лыжу от другой.

В следующий раз папа и Шарлотта проехали мимо, когда мама лежала в позе морской звезды — красиво растопырившись руками и ногами.

— Катя, может, хватит? — забеспокоился папа.

— Это уже не тебе решать, — отозвалась мама и проводила папу с Шарлоттой долгим немигающим взглядом. Шарлотта шла по лыжне так, словно где-то внутри у неё работал большой мощности мотор. Мама вздохнула.

— Ладно, Семён, Андреич, я посижу тихонько на лавочке, а ты покатайся.

— Угум, — легко согласился Семён Андреич.

Пока он ездил туда-сюда в пределах маминой видимости, та чертила палкой на снегу какие-то знаки. Шапка с помпонами периодически съезжала ей на глаза, и она поправляла её сосульчатой варёжкой.

В очередной свой заезд папа подхватил Семёна Андреича и посадил себе на плечи.

— А-а-а-а, — завизжал Семён Андреич.

— Осьторьёжно, Андрюша, — крикнула сзади Шарлотта.

— Всё в порядке, дорогая!

Семён Андреич заелозил, стараясь принять такую позу, чтобы лыжи не мешали папе.

— Всё нормально, не дёргайся, — отозвался тот. — Ну рассказывай, как твои успехи с буквой «ш»?

— Не получается пока, — пробурчал Семён Андреич.

— А знаешь, что мне больше всего в твоей фразе нравится?

— Что?

— Слово «пока». Это означает, что ты не сдаёшься. И когда-нибудь букву «ш» обязательно выговоришь. Не сегодня, так завтра. Понятно?

— Понятно.

Всю оставшуюся дорогу они ехали молча. Семён Андреич обнимал папу за шею и жмурился от счастья. Вот он, его любимый папочка, родненький и прекрасный, самый-самый единственный на свете!

— Катя, я за ним в двенадцать зайду, — предупредил, выгружая Семёна Андреича маме на колени, самый-самый единственный папа.

— Хорошо.

Семён Андреич зарылся лицом в мамину куртку. Она улыбнулась, чмокнула его в щёчку.

— Пойдём, ты мне pomoжешь дедовой мазью плечо натереть. Кажется, я его всё-таки потянула!

Вечером папа привёз Семёна Андреича домой.

— Старик, я надеюсь, таких оговорок больше не будет, — сказал он на прощание.

— Что такое? — всполошилась мама.

— Я её случайно тётей Пигалицей назвал, — насупился Семён Андреич.

У мамы сделалось растерянное лицо.

— Андрей, ребёнок не со зла. Он за мной повторил.

— Катя, я тебя очень прошу!

— Всё, обещаю. Больше не буду! — заверила мама.

— Я тоже обещаю! — обнял отца Семён Андреич. — Ты только не обижайся на нас.

— Не буду.

Ночью, когда мама, по своему обыкновению, зашла к сыну — поправить одеяло, Семён Андреич спал, натянув на лицо маску аквалангиста. Из-под одеяла бодро торчали синие ласты.

Мама приснула, выскочила из комнаты, вернулась с фотоаппаратом и сфотографировала его. Потом аккуратно сняла маску и ласты. Уходя, зацепила краем глаза альбом для рисования.

Семён Андреич печатными буквами вывел там очередную запись:

ТЁТЯ ЖАРЛОТА МОЖНАСКАЗАТ
ХАРОШЫЯ. НИ ПЫГАЛЫЦА.

Семён Андреич придумывает поздравления

— Пальчики обязательно должны работать, — объясняет Елена Алексеевна, — чем больше работают пальчики, тем лучше мы считаем, рисуем, читаем и пишем.

Четвёртая группа сосредоточенно сопит — мастерит открытки для любимых мам и бабушек — ведь через три дня Восьмое марта, праздник женщин.

— Труд из обезьяны сделал человека, — возвещает Елена Алексеевна. — А всё почему?

— Потому, что человек много работал руками, — рапортует четвёртая группа.

— Мо-лод-цы.

Елена Алексеевна показывает, как раскрашивать открытки. Дети, высунув языки, стараются — справа жёлтый цветочек, слева — красное солнышко. По нижнему краю открытки уже наклеена зелёная бахрома травы. Когда докрасят солнце, нужно будет провести кисточкой с клеем по полю открытки, обсыпать его манной крупой и подождать, когда клей высохнет. Потом раскрасить крупу серебряной гуашью. И получится красота.

Нянечка тётя Зина ходит между столами и считает встрёпанные макушки — она отвечает за полный

комплект детей, и поэтому периодически пересчитывает их, смешно шевеля губами и водя указательным пальцем в воздухе.

— Восемнадцать! — возвещает она. — Одного не хватает.

— Серёжа в туалет отпросился, — откликается Вася.

— Ага. Тогда все на месте. Пойду, пол в раздевалке протру, — и по-гусиному смешно ступая, тётя Зина уходит за тряпкой для мытья полов.

Семён Андреич мается мыслями. Елена Алексеевна велела всем придумать поздравительные слова.

— Это должно быть такое поздравление, чтобы мамам и бабушкам очень понравилось, — объяснила Елена Алексеевна. — А я помогу вам записать их в открытки.

— Я могу сам записать, — вызывается Семён Андреич.

— Хорошо, сам напишешь. А теперь давайте придумывать поздравления.

— Моя мама хочет стать директором, — вспоминает Серёжа.

— Ну что ж, можно пожелать твоей маме карьерного роста.

— А моя мама хочет много денег, — встревает Диана.

— Много денег никому не помешают, это да, — соглашается Елена Алексеевна. — Напишем пожелание о материальном благосостоянии.

— Елена Алексеевна, — подаёт голос из раздевалки тётя Зина, — надо не так.

— А как?

— А вот как, — тётя Зина, моя пол враскорячку, заползает в комнату попой вперёд. — Нужно их словами записывать. А то весь цимес пропадает.

— Вы думаете?

— Ну конечно. Пятилетний ребёнок не станет желать этого, как его...

— Карьерного роста.

— Ну!

Елена Алексеевна раздумывала с минуту.

— Так и сделаем, Зинаида Валентиновна. Всё верно, зачем приглаживать слова детей?

— А я уже придумал пожелание, — подпрыгнул Вася.

— Сейчас запишу, — Елена Алексеевна вытащила из ящичка тетрадку с ручкой и превратилась в слух.

— Дорогая мама, — принялся диктовать Вася, — желаю, чтобы ногти у тебя были длинные и красивые.

— И это всё? — не дрогнула лицом Елена Алексеевна.

— Ага. А то у мамы вечно ногти ломаются. Только вырастут — и тут же ломаются.

— И я придумал поздравление! И я! — зашумели со всех сторон дети.

— Не волнуйтесь, запишем все.

И Елена Алексеевна стала записывать все поздравления. Вадик Степанов желал своей бабушке, чтобы кот Гвидон научился открывать холодильник, сбрасывать с полки бутылочку с валерьянкой и вылизывать её с пола. Гуля Бухараева пожелала своей маме красивого попугая. Чтобы хвост длинный и крылья разноцветные. А Петя Романов попросил написать одно слово — «пулемёт».

— Как-то некрасиво получается. Разворачивает мама открытку, а там одно слово, — попыталась вразумить Петю Елена Алексеевна.

— Мама поймёт, — важно заметил Петя.

Пока дети диктовали свои пожелания, Семён Андреич времени даром не терял. Он вывел печатными буквами поздравление маме и вручил открытку воспитательнице.

— Так-так, посмотрим, — Елена Алексеевна пробежалась глазами по каракулям, фыркнула и упала лицом в миску с манной крупой.

— Что такое? — тётя Зина заглянула в открытку, прочитала поздравление и сорвалась в хохот.

— Чего ты там написал? — обступили Семёна Андреича дети.

— Комплимент написал, — пояснил Семён Андреич, отобрал у согнувшейся от смеха пополам тёти Зины открытку и прочёл: — «Милая мамачка! Ты похожа на хомоспаенса на кокомто итапе розвия».

— А что такое хопосапенса? — почесала в затылке группа номер четыре.

— Да я сам не знаю. Откуда-то вспомнил слово. Красивое.

— Красивое, ага. И чего они так смеются?

Чего они так смеются, Семёну Андреичу было невдомёк. Поэтому поздравление бабушке он придумал простое. От греха подальше.

И записал:

«ДАРАГАЯ БАБУЖКА! ЖЫЛАЮ, ШТОБЫ Я ТИБЯ ЛУБИЛ.
И ЧЕВОТО ТАМ ИЩЁ. ВАШ ВНУК».

Семён Андреич делает Новые открытия

Семён Андреич до мозга костей городской житель. О том, что домашние животные существуют не только в картинках, но и на самом деле, он узнал только в прошлом году. Хотя в зоопарк и даже в цирк он ходил. В цирке так вообще два раза был. Оказывается, бегающая по арене наддрессированная вполне себе свинья ещё не аргумент для городского ребёнка!

В тот день Семён Андреич ехал с мамой, бабушкой и дедушкой на дачу. Дорога бежала сквозь высокий сосновый бор. Семён Андреич считал мелькающие за окном макушки сосен — один, два, четыре, пять, восемь. Тридцатьдвадцать. Вдруг сосновые макушки оборвались. Семён Андреич выглянул в окно и замер — вдоль дороги простирался сказочный одуванчиковый луг. И по кромке этого луга брели большие, толстые, рогатые животные. С выменем.

«Динозавры что ли?» — подумал Семён Андреич.

— Смотри, какие коровы красивые, — обернулась бабушка.

У Семёна Андреича пересохло в горле.

— Они что? Живые?

Дед крикнул и сбросил скорость.

— Вот ты чудо городское! А откуда, позволь тебя спросить, молоко берётся?

— Из бутылок, — честно признался Семён Андреич.

— Недавно мы с тобой передачу смотрели про ковбоев. Там как раз целое стадо коров показывали! Или они тоже были неживые?

— Но это ведь кино! Оно придуманное! — развёл руками Семён Андреич.

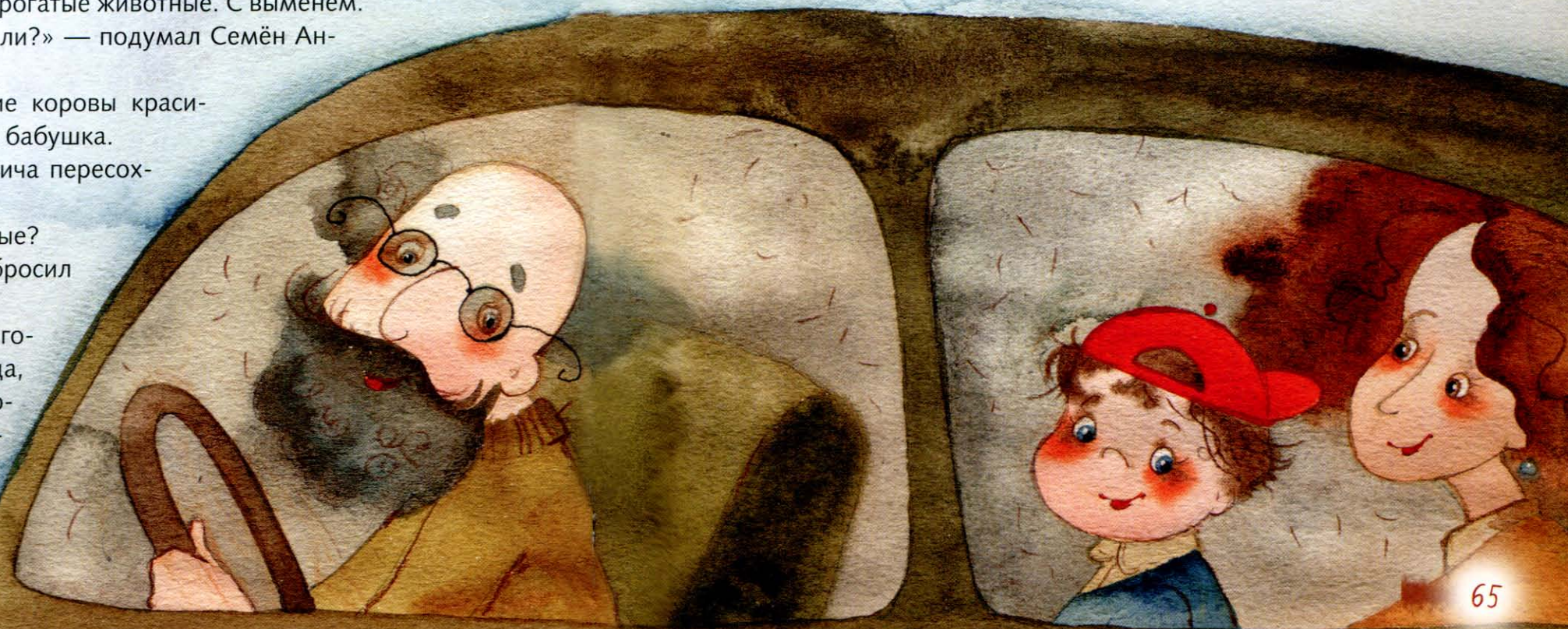
— Антон, останови у обочины, пусть ребёнок за коровами немного понаблюдает, — попросила бабушка.

Семён Андреич был так взволнован встречей с прекрасным, что надышал себе целое окно пара. Пришлось, чтобы не прерывать созерцательный процесс, спешно рисовать пальцем на стекле два кружочка.

Вот в эти два кружочка Семён Андреич и разглядел кроткий нрав и прочий богатый внутренний мир бурёнок.

— Заведём себе коровку? — попросил он.

— Клавдия, будет тебе занятие, — хохотнул дед. — А то маешься, места себе не находишь.

Семён Андреич было обрадовался, решив, что дед поддерживает его предложение. Но потом понял, что тот подсмеивается над бабушкой. Бабушка три года, как ушла на пенсию, и сильно по своей работе скучает. Ей иногда от этого даже школа снится, где она всю свою жизнь проработала!

Пока бабушка хорошо поставленным учительским голосом выговаривала мужу за его неуместные шутки, Семён Андреич приноравливался к новым открытиям.

— А что, овечки тоже живые? — спросил он у деда, когда они выгружали продукты из багажника.

— И овечки, и поросята, и гуси, и курицы.

— Давай хотя бы курицу заведём! Одну! Она у нас на жёрдочке будет жить!

— А жёрдочка откуда возьмётся?

— Сделаем. Из чего-нибудь!

Ответить дед не успел — в калитку заглянул сосед.

— Антон Евграфьевич, здравствуй, — улыбнулся он.

— А-а-а, здравствуй-здравствуй, Максим Александрович, — поприветствовал дед и пошёл здороваться с соседом за руку, — наконец-то ты достроил дачу!

— И даже переехал! — улыбнулся сосед.

В тот день Семён Андреич узнал не только о том, что домашние животные существуют на самом деле. Но сделал и ещё одно ошеломительное открытие.

— Бабуль, — взлетел он на крыльцо дачного домика, — а чего это дядя Максим на деда обзывается?

— Как это? — удивилась бабушка.

— Ну, называет его Антоневфргавович.

Бабушка прыснула.

— Он его называет Антоном Евграфьевичем. Так твоего деда зовут.

— Чивой? — не поверил ушам своим Семён Андреич.

— Товой! — передразнила бабушка. — Вот почему мы тебя Семёном Андреичем называем?

— Почему? — заволновался Семён Андреич.

— Потому что папу твоего зовут Андреем. Андреевич — это твоё отчество. А папу деда звали Евграфием. Поэтому он Евграфьевич.

— Бабуль, а тебя как зовут?

— Клавдия Михайловна.

— А маму?

— А ты подумай.

Семён Андреич вспотел от волнения.

— Катя Клавдовна, да?

— А почему Клавдовна? — рассмеялась бабушка.

— Потому что ты её мама. Вот она и Клавдовна.

Семён Андреич умный мальчик и всё схватывает на лету. Поэтому он быстро запомнил, что маму зовут Екатерина Антоновна, папу — Андрей Васильевич, а бабушку — Клавдия Михайловна.

И только дедово имя ему не давалось. Дед не обижался, говорил, что всему своё время, но Семён Андреич всё равно переживал: одно дело зловредный звук «ш», и совсем другое — имя деда. Поэтому он твёрдо обещал себе научиться правильно его выговаривать.

Дядя Максим собирался жить на даче круглый год.

— Отстрою курятник. Следующей весной, когда вы выберетесь сюда, будешь играть с цыплятами. Договорились?

— Ура! — запрыгал Семён Андреич. — Мама, дядя Максим обещал цыплят высиживать!

Взрослые очень над этими словами смеялись. Особенно дядя Максим. А дедушка предложил смастерить настоящий насест, с полным приводом.

— Чтoб без отрыва от производства, — хватаясь за бока, хохотал он.

Так и распрощались с соседом, подтрунивая над ним.

А данное себе слово Семён Андреич сдержал. Репетировал всю неделю по дороге в садик, выговаривал по слогам: «Ев-гра-фье-

вич, Ев-гра-фье-вич». Теперь, если разбудить среди ночи и спросить, как дедушку зовут, он без запинки ответит:

— Антон Евграфьевич!

В память о той поездке в альбоме для рисования появилась первая запись.

Так как Семён Андреич только-только начинал заниматься у Алевтины Петровны, то ошибок наделал много. Поэтому, перечитывая через полгода, не смог разобрать смысл записи. Побежал к маме — требовать разъяснений.

Вы бы тоже не смогли понять, что Семён Андреич написал. Потому что выглядит запись так:

НАУЧИЦА ДЕДУЖУК ЭВКРЯВАВЫЧ.

Семён Андреич и пасхальные сюрпризы

Первая в этом году поездка на дачу случилась в середине апреля, на Пасху. Стоял погожий весенний день — грело солнышко, дул ласковый ветер. Но если в Москве вовсю бушевала весна, то за городом было прохладно и пасмурно. По утрам стояли густые туманы, а от соснового леса тянуло талым снегом и медвежьей спячкой.

Семён Андреич, цепляя концами полосатого шарфа прошлогодний бурьян и чертополох, ходил вдоль дачного забора и вертел шеей — делал вид, что инспектирует окрестности. На самом деле он ничего не инспектировал, а ждал дядю Максима. Очень ждал.

Дело в том, что вчера дядя Максим позвонил деду и пригласил на дачу — праздновать вместе Пасху.

— Передай внуку, что у меня для него имеется сюрприз! — прерывисто выкрикивал он в трубку.

— Максим Александрович, ты чего такой запыхавшийся? — взволновался дед.

— По дачному посёлку бегаю, сигнал сети ищу. Тут ловит, тут не ловит. Ну что, Антон Евграфьевич, договорились?

— Договорились, будем!

Утром Семён Андреич с мамой вынесли из квартиры большую корзину с продуктами. Когда лифт поехал вниз, мама поставила корзину на пол, вцепилась в ручку.

— Как только начнёт тормозить, нужно дёрнуть вверх, — шепнула она.

— Зачем?

— Так легче будет тяжесть поднять. Законы физики, — объяснила мама. — Внимание, проезжаем второй этаж, скоро

первый. Готовься к рывку! — и, когда лифт мягко затормозил, оторвала корзину с пола.

Корзина оказалась тяжелой.

— Видимо, этот фокус срабатывает, только когда лифт вверх поднимается, — выдохнула мама.

Семён Андреич вцепился в ручку корзины и поволок её, путаясь под мамиными ногами, к подъездной двери.

— Одной такую тяжесть таскать! — выскочил из машины дед. — Предупреждать надо, я бы тебе помог.

— Папа! С твоей-то спиной! Вон, мне Семён Андреич помогает.

— Настоящий помощник, — расцеловала внука бабушка. — Ну, садись в машину.

— Мы яйца покрасили. И кулич испекли, — похвастался Семён Андреич, взбираясь на заднее сиденье. — А ещё этот, как его... Мам, как он называется? Который запекли.

— Окорок.

— Вот! Мы окорок запекли. Чеснока туда понатыкали, сметаной обмазали, посолили и запекли!

— А я-то думаю, чем это так вкусно пахнет, — потянул носом дед.

— Я творожную пасху приготовила. И салат «Оливье». А ещё булочки испекла. С маком, — похвасталась бабушка.

— Катерина, ты в следующий раз одна такие тяжести не таскай, — глянул в зеркало заднего вида дед. — Слышишь меня?

— Слышу, — отозвалась мама и подмигнула Семёну Андреичу.

Семён Андреич улыбнулся в ответ. Он знает: просить помощи мама не будет. Она у него очень самостоятельная. А ещё красивая — маленькая, трогательная, с ямочками на щеках. Чтобы казаться выше, носит зимой шапки с большим помпоном, а летом высоко закалывает волосы и ходит на каблучках. И никогда, никогда не жалуется. Даже Семёну Андреичу. У мамы на всё один ответ: справимся.

— Справимся, — говорит она каждый раз, когда что-то не получается. Статья, например, не пишется, или перевод не задаётся, или каша пригорает.

— Главное — не унывать, — говорит мама, — справимся!

И справляется. Статья получается какая надо, и перевод спорится, и каша не горчит. Семён Андреич уверен, что у него героическая мама. Но даже героические мамы нуждаются в поддержке, поэтому подставлять своё мужское плечо он не забывает — и пыль протрёт, и тесто миксером взобьёт, и за молоком проследит, чтобы не убежало.

Всю дорогу Семён Андреич гадал: сдержал своё обещание дядя Максим или нет. Выскочив из машины, сразу же побежал к соседям. Но ворота были закрыты. Семён Андреич вернулся к себе во двор, взлетел на веранду, привстал на цыпочки... В окнах дома дяди Максима было темно.

— Ушёл куда-то, скоро вернётся, — успокоил его дед.

Пока мама с бабушкой накрывали праздничный стол, а дед колот дрова, Семён Андреич ходил вдоль забора — высматривал соседа.

— Хоть бы цыплята, хоть бы цыплята! — повторял, как заклинание, он.

Скоро на дороге появилась машина. Семён Андреич сложил пальцы в кружочки и приставил к глазам, чтобы разглядеть, кто едет. Машина весело бибикнула раз, другой, притормозила у соседского забора.

— Ура! — побежал Семён Андреич к калитке. — Здравствуйте!

— Здравствуй, Семён Андреич, — выбрался из машины дядя Максим, — с праздником тебя, со светлой Пасхой.

— Спасибо, — деловито отозвался Семён Андреич. — А где мой сюрприз?

— А нас с праздником поздравлять будут? — выбрался из-за руля какой-то высокий и худой мужчина.

— С праздником! — спохватился Семён Андреич. — А вы кто?

— Это мой сын, зовут его Игорь, — представил незнакомца дядя Максим. — Он у меня археолог. Недавно из экспедиции вернулся.

— Откуда вернулся? — запнулся Семён Андреич.

— Из экспедиции, — протянул руку новый знакомый.

— А чего вы в этих икс... скипичиях делаете?

— Раскопки делаем. Ищем древние города.

— Рыцарские? — осторожно пожал протянутую руку Семён Андреич. Рука была большая и шершавая — ладошка Семёна Андреича буквально утонула в ней.

— Рыцарские тоже, — улыбнулся дядя Игорь.

— Расскажите? — от волнения Семён Андреич неожиданно засипел.

— Здравствуйте, соседи! — крикнул дед. — С праздником вас!

— И тебя с праздником! — отозвался дядя Максим. — Здравствуй, Антон Евграфьевич.

— В гости позвал, а сам куда-то укатил!

— За сыном уезжал.

— Сын — это хорошо, — откликнулся дед.

Пока он здоровался за руку с дядей Игорем, Семён Андреич выписывал вокруг нового знакомого ритуальные маршруты — ходил приставным шагом и просительно заглядывал в глаза.

— Я тебе потом всё расскажу, — шепнул дядя Игорь.

— Ура! — заскулил от счастья Семён Андреич.

— Пойдём в дом, Клавдия с Катериной уже стол накрывают, — пригласил дед.

— Я думал, мы у нас посидим, — развёл руками дядя Максим.

— А какая разница?

— И правда, никакой. Ладно, посидим у вас. Только сначала будет обещанный сюрприз!

— Как? Ещё один сюрприз? — подскочил Семён Андреич.

— В смысле «ещё один сюрприз»? — удивился дядя Максим.

— Я думал — вот мой сюрприз, — ткнул пальцем в дядю Игоря Семён Андреич.

Мужчины расхохотались.

— Если хочешь, можешь и его считать сюрпризом, — разрешил дядя Максим.

— Закрывай глаза. И не подглядывай! — велел он, заводя Семёна Андреича за руку в прихожую.

Семён Андреич крепко зажмурился. И прикрыл лицо концом шарфа — чтобы всё по-честному. И даже когда дед вдруг начал восхищённо ахать, подглядывать не стал.

— Всё, можно смотреть, — возвестил дядя Максим.

Семён Андреич открыл глаза и замер. Дядя Максим протягивал ему большую картонную коробку. Внутри, смешно балансируя на тонких ножках и иногда заваливаясь то на один, то на другой бок, бегали кругленькие, маленькие и... раз-

ноцветные цыплята! Розовые, малиновые, синие, зелёные, фиолетовые, красные и даже оранжевые!

— Это что? — выдохнул Семён Андреич.

— Это цыплята.

— Заводные?

— Почему заводные? Живые!

— А чего они такие... — Семён Андреич запнулся, придумывая подходящее слово, — цветные?

Дядя Игорь осторожно выловил оранжевого цыплёнка и протянул Семёну Андреичу. Семён Андреич задержал дыхание — цыплёнок был совсем махонький, почти невесомый, только копошился в ладошке и тихонечко пищал.

— Дело в краске. Это специальная краска, я её из Канады привёз. Если вводить её в куриные яйца за три недели до того, как вылупятся цыплята, то они получаются разноцветными, — объяснил дядя Игорь.

— А это не вредно? — полюбопытствовал дед, выуживая из коробки фиолетового цыплёнка.

— Нет, это пищевой краситель. Он недели через две пропадёт.

— Как пропадёт? — расстроился Семён Андреич. — Со всем?

— Совсем. Если хочешь, мы можем сфотографировать цыплят, пока они разноцветные. На память.

— Очень хочу!

— Вы идёте? — открыла дверь мама. — А то мы ждём вас, ждём...

— Мапочка, тут цыплята! — крикнул Семён Андреич.

Мама стояла на пороге — красивая, улыбчивая, в нимбе высоко заколотых каштановых волос и щурилась — с улицы трудно разглядеть, что творится в прихожей.

— Здравствуйте, — сказал дядя Игорь.

— Здравствуйте, — улыбнулась мама и зашла в дом.

Семён Андреич был так взволнован этими событиями, что оставить запись в альбоме забыл. Только приклеил фотографию. На этой фотографии он улыбается во всё лицо и нежно прижимает к щеке оранжевого цыплёнка. У цыплёнка вид испуганный, а у Семёна Андреича — бесконечно, бесконечно довольный. И веснушчатый.

Семён Андреич счастлив

Если раньше Семён Андреич не очень жаловал дачу — ему привычней и веселей было в городе, в кругу своих игрушек и раскрасок, то теперь он с радостью туда ездит. И дело тут не только в цыплятах, с которыми он с удовольствием возится, но и в дяде Игоре. Не каждый пятилетний мальчик может похвастаться наличием взрослого друга. А Семён Андреич может.

У дяди Игоря много достоинств. Например — его не кусают комары. Всех кусают, а его не кусают.

Дядя Игорь говорит, что они, наверное, принимают его за своего, вот и не кусают.

— Но ты не похож на комара! — возражает Семён Андреич.

— Зато я в экспедициях много времени с ними провожу. Вот они и привыкли ко мне, — отвечает дядя Игорь.

— Я тоже много времени с ними провожу. Но они меня всё равно кусают! — сопит Семён Андреич.

— Так тебе всего-то пять! А мне сорок! Им ещё тридцать пять лет к тебе привыкать.

Семён Андреич вздыхает. Тридцать пять лет — это так много!

— Ладно, потерплю как-нибудь, — сдаётся он.

Дядя Игорь живёт в Новопеределкино. Ходит в растянутом на локтях свитере и круглый год пропадает в экспедициях. А потом возвращается весь худой, пропахший костром, с торчащей колом бородой, обязательно привозит племяннику гостинец — осколок красивого камушка

или глиняного горшка или ещё какую-нибудь жутко важную вещь.

— А мне? — волнуется Семён Андреич.

— В следующий раз и тебе обязательно привезу, — обещает дядя Игорь.

Семён Андреич думает, что в свободное от экспедиций время дядя Игорь что-то переделывает в своём Новопеределкине. Потому что, судя по названию, в Новопеределкине живут люди, которые постоянно всё переделывают. В отличие от Строгино, где живут сами знаете кто.

По воскресеньям дядя Игорь собирается на рыбалку. Недалеко от их дачного посёлка раскинулся большой пруд, где водятся караси. Дядя Игорь любит рыбачить. Правда, выловленных карасей тут же отпускает обратно в воду. Потому что ему важен процесс. И рыбок жалко.

Ранним утром он вооружается удочкой, термосом с чаем, тёплым свитером, прикормкой, баночкой с червями, которых они с Семёном Андреичем накопили с вечера, и в семь ноль-ноль стучится в окно. Семён Андреич, с ног до головы в амунии — ветровка, мазь от комаров, пакет с бутербродами, альбом для рисования и цветные карандаши — тут же вылетает на веранду.

— Привет, Семён Андреич, — приподнимает свою бейсболку за козырёк дядя Игорь.

— Привет, дядя Игорь, — приподнимает свою бейсболку Семён Андреич.

Это у них такой фирменный приветственный жест. Семёну Андреичу он очень нравится — от такого жеста сразу чувствуешь себя взрослым и значительным.

Дядя Игорь выбирает для рыбалки такое место, чтобы просыпающееся солнце светило в спину. Тогда карась не видит рыбака и хорошо клюёт. Семён Андреич кидает в воду прикормку — кукурузные зёрна из баночки или жареный жмых с пшённой кашей. Это чтобы приманить рыбу. А потом с замиранием сердца наблюдает, как дядя Игорь насаживает на крючок червяка.

Рыбалка — дело нешуточное. Требуется терпения и тишины. Поэтому, пока дядя Игорь сидит с удочкой, Семён Андреич рисует в альбоме пейзаж: по озеру плавает подводная лодка, люк лодки приоткрыт, оттуда выглядывает настоящий тамплиер. В шлеме и щите на гремучие доспехи.

— Клюёт? — периодически отрывается от пейзажа Семён Андреич.

— Куда денется! — подмигивает дядя Игорь.

Дядя Игорь много чего знает. Поэтому, пока рыба раздумывает над тем, клевать ей или нет, он шёпотом рассказывает о рыцарских городах, об индейских племенах, о том, как выживают люди в пустыне. Семён Андреич слушает, раскрыв рот. Даже шелохнуться боится — а то мало ли, вдруг отвлечёт человека от повествования.

Дядя Игорь в курсе всех дел Семёна Андреича. Так у них с первого дня знакомства повелось. Секретов друг от друга не держат. Поэтому дядя Игорь знает всё — и про Диану, и про Алевтину Петровну, и про другие проблемы. Про свою

неполную семейную жизнь Семён Андреич ему тоже рассказал. О папе с его тётей Шарлоттой, которая наполовину из Шотландии.

— А на другую половину она откуда? — улыбается дядя Игорь.

— Не знаю, — вздыхает Семён Андреич. — Но она умеет ходить на лыжах и ныряет с аквалангом.

— Полинезийская эскимоска? — смеётся дядя Игорь.

— Чивой?

—Товой! — передразнивает, точь-в-точь как бабушка, дядя Игорь и натягивает бейсболку Семёну Андреичу на нос.

Ещё Семён Андреич рассказывает о маме. Как она в бассейне тонула, как после аэробики три дня пластом лежала, как статьи в свой красочный журнал пишет. Дядя Игорь про маму слушает молча, вопросов не задаёт. Рассматривает озеро, на поплавок отвлекается.

Отношения у дяди Игоря с мамой с первого дня знакомства странные. Общаются редко и мало, но исподтишка друг за другом наблюдают.

Семён Андреич считает, что маме дядя Игорь не очень нравится. Потому что после знакомства с ним она мало ест,

мало спит и сочиняет стихи. Стихи странные, про слёзы, туманные мечты и грёзы. Мама зачитывает их Семёну Андреичу и спрашивает его мнение. Семён Андреич стихи хвалит, а потом долго недоумевает, что это было.

Наверное, дядя Игорь чувствует такое неблагоприятное к себе отношение, поэтому старается всячески его изгладить. То тяжести поможет маме перетащить, то стоически ест насквозь пригоревший пирог с капустой. Ест и нахваливает! Мама делает вид, что ничего этого не замечает. А вечером садится за очередные стихи.

Однажды дядя Игорь оставил на подоконнике букет полевых цветов. Мама крутилась на кухне, возилась с тестом

для булочек. Семён Андреич сидел за столом, складывал кубики с буквами в слова — поездки на дачу не освобождали его от логопедических занятий. Как раз в ту минуту, когда он, подняв кончик языка к нёбу, пытался шёпотом произнести «ш», макушка дяди Игоря появилась в окне. Семён Андреич так и замер на выдохе с кубиком в руках. Дядя Игорь приложил палец к губам, оставил на подоконнике цветы и скрылся из виду.

— Ша-рик, — ошеломлённо выговорил Семён Андреич.

— Что? — подскочила мама.

— Шарик, — повторил Семён Андреич. — Мам, посмотри на окно.

Мама обернулась и всплеснула руками. Зарылась лицом в букет, счастливо вздохнула.

— Только я тебе не скажу, кто их оставил, я друзей не выдаю, — предупредил Семён Андреич.

Мама расхохоталась, расцеловала его в обе щеки.

— Ты заметил, что выговорил «ш»?

— Заметил.

— Ещё раз попробуешь?

— Попробую.

Снова выговорить «ш» Семёну Андреичу не удалось. Язык опять зловредно соскальзывал на «с».

Мама позвонила Алевтине Петровне — советоваться. Поговорила с ней, потом протянула телефон сыну.

— Семён Андреич, голубчик, — раздался голос Алевтины Петровны. Семён Андреич повёл носом — ему почудился аромат сдобных плюшек.

— Здравствуйте, Алевтина Петровна, — важно выговорил он.

— Это победа, это победа! Ты главное не сдавайся. Теперь нужно закреплять успех. Будешь?

— Буду, — пообещал Семён Андреич.

По случаю такого замечательного события мама с бабушкой приготовили торжественный обед, а дед сходил за дядей Максимом и дядей Игорем. Получились славные посиделки — сначала все вкусно ели, потом пили кофе с булочками, а потом играли в шарады.

Семён Андреич объявлять шарады не стал, побоялся оконфузиться. Но про себя шёпотом повторил: «ша-ра-ды, ша-ра-ды». От буквы «ш» было очень щекотно — язык смешно трепетал во рту.

Семён Андреич сидел за столом, подперев круглую щеку ладошкой, и наблюдал за взрослыми. Вот мама заботливо подкладывает дяде Игорю угощение, вот бабушка гладит по плечу дедушку, вот дядя Максим радуется тому, что так быстро отгадал головоломку.

Семёну Андреичу было так хорошо, что он решил написать об этом в своём альбоме. Он даже остро наточил карандаши, чтобы запись получилась какая надо.

И вывел аккуратными каракулями:

НИЧИВО НИ СЛОЖНА. НАДО ПОДНЯТ ИЗЫК И ВСО.
ШАКАМАТ. ШАФЁР. ШАМПУН БИЗСЛЙОЗ ДЛЯ ВАШЫХ ВАЛОС.

Литературно-художественное издание
Речь о детях

Наринэ Абгарян

СЕМЁН АНДРЕИЧ. ЛЕТОПИСЬ В КАРАКУЛЯХ

Главный редактор И. Авидон
Заведующая редакцией детской литературы О. Юрченко
Главный художник П. Борозенец
Технический редактор М. Лебедева
Корректор А. Забольская
Генеральный директор Л. Янковский

Подписано в печать 14.04.2013 г. Формат 70 × 100 1/16
Печ. л. 6. Тираж 7500 экз. Заказ № 0650/13

ООО Издательство «Речь»
199178, Санкт-Петербург, а/я 96, «Издательство „Речь“»
Тел.: (812) 329-08-80, 323-76-70, info@rech.spb.ru
Представительство в Москве: тел.: (495) 621-55-97

По вопросам оптовой закупки книг издательства «Речь» обращайтесь по тел.:
(812) 323-76-70, 323-90-63 и по электронной почте: rech@inbox.ru

Книги в розницу можно приобрести, сделав заказ по электронной почте:
pochta@rech.spb.ru, а также по тел.: (812) 329-08-80

Интернет-магазин: www.rech.spb.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт», г. Тверь, www.pareto-print.ru

«Летопись в каракулях» Семёна Андреича — настоящее семейное чтение.

Для тех, кто любит смеяться, мечтать и умеет не пасовать перед трудностями.

Для тех, кто переживает самую счастливую пору своей жизни — детство.

И для тех, кто застрял в этой счастливой поре навсегда.

Семён Андреич — замечательный мальчик. У него любящие мама, папа, бабушка и дедушка. И даже логопед Алевтина Петровна у него замечательная — она учит Семёна Андреича многим премудростям — искать кубики, оставаться рыцарем, правильно выговаривать звук «Ш».

Кроме родственников и логопедов у Семёна Андреича много хороших друзей. Поэтому на жизнь Семён Андреич не жалуется. Ведь жизнь у него прекрасная и удивительная! Чего и вам желаем.

Наринэ Абгарян

Семён Андреич летопись в каракулях

